

(пойдем сказал он ей
пойду недалеко ответила она
что есть недалеко сказал он
туда где ты ответила она)

— э.э. каммингс

ПРОЛОГ

Оуэн любил подтрунивать надо мной из-за того, что привычку терять всякие мелочи я возвела в разряд искусства. Я теряла все подряд — солнцезащитные очки, ключи, варежки, бейсболки, марки, фотоаппараты, мобильники, бутылки, авторучки, шнурки, носки, лампочки, формочки для льда. В какой-то степени он был прав: я частенько клала вещи не на место, отвлекалась и начисто про них забывала.

На нашем втором свидании я потеряла парковочный талон. На ужин мы приехали каждый на своей машине, о чем Оуэн не преминул пошутить — он подтрунивал над моей самостоятельностью даже в первую брачную ночь. А я шутила над тем, что он устроил мне настоящий допрос, задавая бесконечные вопросы о моем прошлом — о мужчинах, которые бросили меня, о мужчинах, которых бросила я. Оуэн окрестил их «несбывшимися мальчишками», поднял бокал и заметил, что благодарен им за то, что они мне не подошли, ведь теперь со мной в ресторане сидит именно он, а не кто иной.

— Ты меня едва знаешь, — сказала я.

Он улыбнулся.

— Такое чувство, будто мы знакомы целую жизнь.

Отчасти он был прав. Просто уму непостижимо, насколько мы сблизились буквально с первых минут. Мне приятно думать, что я влюбилась без памяти и позабыла обо всем на свете. Разве тут до парковочных талонов!

Мы оставили свои машины на стоянке отеля «Ритц-Карлтон» в центре Сан-Франциско. Парковщик и слушать не захотел, что я провела в ресторане всего пару часов. За утерянный талон полагался штраф.

— Вы могли держать тут машину неделями, — заявил парковщик. — Почем мне знать, вдруг вы пытаетесь меня надуть? Сотня долларов плюс налог, и езжайте куда хотите. Читать умеете?

На табличке значилось: сто долларов плюс налог, и вы свободны.

— Ты уверена, что его нигде нет? — спросил Оуэн с улыбкой, словно это было самое лучшее, что ему удалось узнать обо мне за весь вечер.

Еще как уверена! Я обыскала каждый дюйм своего взятого напрокат «Вольво», потом шикарного спортивного авто Оуэна (хотя я в него даже не садилась) и серого асфальта в гараже, будь он неладен! Талон пропал без следа.

Через неделю после исчезновения Оуэна мне приснился сон. Муж стоял на парковке в том же самом костюме и с той же пленительной улыбкой на губах. Он снял обручальное кольцо и сказал: «Ну вот, Ханна. Теперь ты потеряла и меня».

– ЧАСТЬ 1 –

Терпеть не могу ученых,
которые берут доску,
ищут самую тонкую часть
и сверлят дырки там,
где это проще всего.

— *Альберт Эйнштейн*

ЕСЛИ ОТКРЫВАЕШЬ ДВЕРЬ НЕЗНАКОМЦАМ...

По телевизору это показывают постоянно. В дверь стучат, открываешь и слышишь новость, которая меняет всю твою жизнь. Как правило, приходит полицейский или пожарный, иногда военный в форме. Но я вижу на пороге вовсе не копа и не федерального агента в брюках с наутюженными стрелками. Дурную весть мне приносит девочка лет двенадцати в футбольной форме.

— Миссис Майклз? — спрашивает она.

Я медлю с ответом, как всегда, когда меня пытаются назвать по фамилии мужа. Я свою не меняла, так и осталась Ханной Холл. За тридцать восемь лет я к ней привыкла и не видела нужды становиться другим человеком. Однако за год с небольшим брака с Оуэном я научилась не поправлять людей, ведь единственное, что они хотят знать, используя такое обращение, — жена я ему или нет.

В данном случае это все, что интересует двенадцатилетку у меня на пороге. Откуда я так точно знаю ее возраст? Большую часть жизни я делила людей на две

категории: дети и взрослые, но за последние полтора года изменила свое отношение благодаря дочери моего мужа, Бейли, типичному трудному подростку шестнадцати лет. При первой встрече я ляпнула, что она выглядит гораздо моложе своих лет. Хуже преступления не придумаешь!

Если, конечно, не считать моей попытки сгладить возникшую неловкость шуткой. Я сказала, что сочла бы это за комплимент, в моем-то возрасте! Увы, с тех пор Бейли меня не перебаривает, хотя теперь я ученая и остерегаюсь не только шутить, но и приставать с разговорами к подросткам шестнадцати лет.

Итак, вернемся к моей двенадцатилетней подружке в грязных ботинках, которая нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

— Мистер Майклз велел вам кое-что передать.

Она протягивает мне желтый листок бумаги в линейку. На лицевой стороне почерком Оуэна написано: Ханне. Я беру сложенную записку, глядя девочке прямо в глаза.

— Прошу прощения, — говорю я. — Видимо, я что-то упускаю. Ты подружка Бейли?

— Кто такая Бейли?

Утвердительного ответа я и не ждала: между двенадцатью и шестнадцатью пролегает целая пропасть. Ничего не понимаю! Почему Оуэн не позвонил? Почему он прислал эту девочку? Первое, что приходит в голову, — с Бейли что-то случилось, а Оуэн не смог вырваться с работы. Однако Бейли сейчас дома, закрылась в своей комнате, врубив музыку на полную (сегодня это «Красавица: мюзикл о Кэрол Кинг») в знак того, что мне туда хода нет.

— Я не совсем понимаю... Где ты его видела?

— Он пробежал мимо меня по холлу, — отвечает девочка.

Сперва я думаю, что она имеет в виду наш холл — пространство у меня за спиной. Нет, не может быть! Мы живем в так называемом плавучем доме — оборудованном под жилье судне с окнами в пол и потрясающим видом на залив, в Сосалито их сотни четыре — целая община. Тротуаром нам служит пристань, гостиной — холл.

— Ты видела мистера Майклза в школе?

— Ну да, где же еще? Мы с Клэр спешили на тренировку, и он попросил нас отнести записку. Я сказала, что смогу только после занятия, он согласился и дал ваш адрес. — Девочка достает второй клочок бумаги. — И двадцать баксов.

Деньги она не показывает — наверное, боится, что отберу.

— У него что-то с телефоном, и он не смог вам позвонить. Точно не знаю — мы говорили на бегу.

— Значит, у него телефон сломался?

— Откуда мне знать?

И тут звонит ее телефон — точнее, я подумала, что это телефон. Она снимает с пояса какую-то навороченную штуку, похожую на пейджер. Неужели они снова в ходу? Музыкальные шоу Кэрол Кинг, ультрасовременные пейджеры... Неудивительно, что я так раздражаю Бейли: подростки живут в своем мире, о котором мне практически ничего не известно.

Девочка набирает что-то на девайсе, уже выкинув Оуэна и свою двадцатидолларовую миссию из головы. Мне не хочется ее отпускать, ведь я понятия

не имею, что происходит. Наверное, это какая-то странная шутка. Может, Оуэну она кажется смешной. Лично мне не смешно, по крайней мере сейчас.

— Ну, пока! — говорит девочка и уходит.

Она направляется к пристани. Над заливом садится солнце, и ранние звезды освещают ее путь.

Я выхожу на пристань, надеясь, что Оуэн (мой милый, глупый Оуэн!) выскочит из-за причала вместе с хихикающей детской футбольной командой и закричит, что это розыгрыш. Увы, никого тут нет.

Я закрываю входную дверь и смотрю на сложенную записку. Вот бы оставить все как есть и не знать, что внутри; просто шутка или ошибка. Мне хочется задержаться в этом мгновении, за миг до катастрофы.

Разворачиваю записку. Послание короткое, всего в одну строчку, и непонятное.

«Защити ее!»

ГРИН-СТРИТ ДО ТОГО, КАК ОНА СТАЛА ГРИН-СТРИТ

Я познакомилась с Оуэном чуть больше двух лет назад.

Тогда я еще жила в Нью-Йорке — в трех тысячах миль от Сосалито, городка в Северной Калифорнии, который теперь называю домом. Оуэн с Бейли поселились там более десяти лет назад. Сосалито находится по другую сторону моста Золотые Ворота, на северном берегу бухты Сан-Франциско, и жизнь там совсем иная. Тихий, очаровательный островок спокойствия рядом с шумным мегалополисом. Он разительно отличается и от Манхэттена, где я жила в лофте на Грин-стрит в Сохо — крошечной квартире с астрономической арендной платой, всегда казавшейся мне неподъемной. Я использовала ее также в качестве мастерской и выставочного зала.

Я занимаюсь резьбой по дереву, этим и зарабатываю на жизнь. Узнав про мой род деятельности, некоторые люди презрительно морщат нос и с содроганием вспоминают школьные уроки труда. Отчасти это так, но в то же время и совсем не так. Мне

нравится описывать свою работу как изготовление скульптур, только не из глины, а из дерева.

В профессию я пришла по вполне понятной причине: мой дедушка был превосходным резчиком по дереву, и я с ранних лет наблюдала за его работой. Он был главным человеком в моей жизни, сколько я себя помню, и вырастил меня практически в одиночку.

Моих родителей, Джека и Кэрол (которая просила называть ее исключительно по имени), воспитание детей совершенно не заботило. Их не интересовало почти ничего, кроме карьеры моего отца-фотографа. Вначале дедушке удавалось хоть как-то привлекать к общению со мной маму, а отца я почти не знала — он путешествовал по работе двести восемьдесят дней в году. В свободное от работы время он предпочитал скрываться на семейном ранчо в Севани, штат Теннесси, вместо того чтобы тащиться два часа до Франклина, где жил мой дедушка, и проводить время со мной. Вскоре после моего шестого дня рождения отец бросил маму ради своей ассистентки по имени Гвендолен, которой едва исполнился двадцать один, и мама тоже перестала меня навещать. Она гонялась за отцом до тех пор, пока они не сошлись снова. И тогда уже я осталась у дедушки насовсем.

Впрочем, я вовсе не чувствую себя бедной сироткой. Конечно, неприятно, когда твоя мать убегает в закат, особенно если ты это ничем не заслужила. С другой стороны, оглядываясь на свое прошлое, я понимаю, что мать сделала мне одолжение — ни тебе извинений, ни лишних колебаний. Она ясно дала понять: от меня тут вообще ничего не зависело.

Без нее моя жизнь стала счастливее. Дедушка был добрым и надежным, каждый вечер готовил мне ужин и читал сказки перед сном. И еще разрешал смотреть, как он работает.

Я обожала за ним наблюдать. Он брал огромный кусок дерева и двигал по токарному станку, превращая во что-нибудь волшебное. Если же результат его не устраивал, он придумывал, во что еще это можно переделать.

Пожалуй, в его работе мне больше всего нравилось, как дедушка всплескивал руками и говорил: «Что ж, попробуем сделать иначе», и изыскивал способы сделать то, чего ему хотелось. Наверное, любой психолог, который не даром ест свой хлеб, сказал бы, что это подарило мне надежду: я думала, что дедушка поможет и мне сделать то же самое.

По сути, наоборот, наблюдая за работой дедушки, я поняла, что не все нам поддается. Есть определенные вещи, к которым ты делаешь подходы с самых разных сторон и не надеешься на немедленный результат. Выполняешь свою работу, чего бы тебе это ни стоило.

Я никогда не ожидала преуспеть в токарном мастерстве и не думала, что переключусь на изготовление мебели. Более того, я подозревала, что вряд ли смогу зарабатывать этим на жизнь. Даже дедушка, чтобы нам хватало, регулярно подрабатывал ремонтом. Однако мне повезло уже в начале карьеры: фотографию моего самого эффектного обеденного стола опубликовали в журнале «Архитектурный дайджест», и я смогла занять определенную нишу, прославившись среди жителей центра Нью-Йорка.

Как объяснил мне один знакомый дизайнер интерьеров, моим клиентам хотелось тратить кучу денег, декорируя свои дома таким образом, чтобы они производили прямо противоположное впечатление. И с этим мои шедевры в деревенском стиле справлялись как нельзя лучше.

Со временем моя преданная клиентура значительно расширилась, распространившись на другие прибрежные города и курортные городки: Лос-Анджелес, Аспен, Ист-Хэмптон, Парк-Сити, Сан-Франциско.

Так мы с Оуэном и познакомились. Его привел Эйвитт Томпсон, гендиректор технологической компании, в которой работал Оуэн. Эйвитт и его жена, неопишуемая красавица по имени Белла, по праву считались моими самыми преданными клиентами.

Белла любила шутить, что она — трофейная жена. Это было бы забавно, если бы она не подпадала под данное определение по многим параметрам: бывшая модель, по возрасту лет на десять моложе взрослых детей Эйвитта, родилась и выросла в Австралии. Мои работы стояли в каждой комнате таун-хауса в Сан-Франциско, где они жили с Эйвиттом, и в недавно построенном загородном доме в Сент-Хелене, маленьком городке в северной оконечности долины Напа, где Белла любила уединяться.

С Эйвиттом я виделась несколько раз, до того как он заявился ко мне в мастерскую вместе с Оуэном. Они прилетели в Нью-Йорк на встречу с инвесторами, и Белла велела им заодно взглянуть на пристенный столик с закругленными краями, который я сделала для их супружеской спальни. Эйвитт по-

нения не имел, что именно должен выяснить — вроде бы прикинуть, сочетается ли столик с каркасом кровати — каркасом, на котором будет лежать натуральный органический матрас за десять тысяч долларов.

Честно говоря, Эйвитта этот вопрос особо не заботил. Он зашел в мастерскую в строгом синем костюме, с намертво залаченной седеющей шевелюрой, не отрывая от уха телефон. Бегло взглянув на столик, прикрыл динамик рукой.

— Неплохо. Значит, договорились?

Не успела я ответить, как он направился к выходу. Оуэн, напротив, задержался. Мастерская произвела на него неизгладимое впечатление, и он внимательно рассмотрел все мои работы.

Я наблюдала за ним и удивлялась, глядя на странную картину: долговязый загорелый парень с копной светлых волос, в поношенных кедах «Конверс» и модном деловом пиджаке. Такое чувство, словно он свалился прямо с доски для серфинга, напялив на ходу накрахмаленную сорочку и пиджак.

Поймав себя на том, что разглядываю его слишком пристально, я поспешно отвернулась. Оуэн тем временем подошел к предмету моей особой гордости — добротному обеденному столу в деревенском стиле, который я использовала в качестве рабочего. Большую часть столешницы занимали компьютер, газеты и инструменты, и нужно было как следует постараться, чтобы разглядеть сам предмет мебели.

Оуэн обратил внимание и на твердое красное дерево, из которого я выстругала столешницу, и на слегка высветленные уголки, обитые железом. Был ли

он первым посетителем, заметившим стол? Конечно, нет. Но он первым склонился, как частенько делала я, и провел пальцами по острым полосам металла.

— Ай!

— Знали бы вы, как приятно наткнуться на него посреди ночи, — заметила я.

Оуэн встал и напоследок любовно похлопал по столешнице. Затем направился ко мне и подошел так близко, что я даже опешила от его приткости. Наверное, мне следовало смутиться — я стояла перед ним в майке без рукавов и заляпанных краской джинсах, волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбились невымытые локоны. Впрочем, под его взглядом я ощутила и нечто иное.

— Итак, — начал он, — какова ваша цена?

— Вообще-то образец выставочный и не продается, — ответила я.

— Потому что он травмоопасен?

— Именно.

И тогда Оуэн улыбнулся. При виде этой улыбки мне вспомнились все дурацкие поп-песни. Дело не в том, что она озарила его лицо, затронула мои душевные струны или заставила сердце выпрыгнуть из груди — ничего подобного! Просто здесь, на Грин-стрит в центре Манхэттена, я редко встречала такую улыбку — щедрую, детскую, добрую. Да что там, таких на Манхэттене вообще не бывает!

— Значит, продажа стола не обсуждается?

— Увы, нет. Впрочем, я могу предложить вам что-нибудь еще.

— Как насчет мастер-класса? Вы могли бы показать мне, как сделать такой самому, разве что с чуть

более мягкими углами... Я подпишу отказ от претензий. Любые травмы — на мой страх и риск.

Я изрядно смутилась. У меня возникло чувство, что мы говорим вовсе не о столе. Более того, я была в этом совершенно уверена — насколько может быть уверена женщина, которая целых два года готовилась выйти замуж за мужчину, а потом поняла, что он ей не подходит. Причем за две недели до свадьбы!

— Послушайте, Итан... — начала я.

— Оуэн, — поправил он.

— Оуэн, очень мило, что вы спросили, — продолжила я, — однако у меня есть правило: с клиентами — только деловые отношения.

— Значит, повезло, что ваши изделия мне не по карману!

Впрочем, это его немного остудило. Он пожал плечами, словно говоря «в другой раз», и направился к двери, где по тротуару нетерпеливо расхаживал Эйвитт, все еще разговаривая по телефону.

Он почти ушел, и вдруг я поняла: мне нужно во что бы то ни стало его остановить, сказать, что я имела в виду совсем другое!

Не стану утверждать, что это была любовь с первого взгляда.

Просто мне захотелось его задержать ненадолго и растянуть удовольствие, увидев еще раз широкую, добрую улыбку.

— Погодите! — окликнула я, судорожно оглядывая мастерскую в поисках подходящего предложения, и протянула ему кусок ткани, принадлежавший другой клиентке. — Передайте это Белле.

Так себе идея! Как сказал бы мой бывший жених, это совершенно на меня не похоже — обычно я сторонилась людей, а не тянулась к ним.

— Непременно, — кивнул Оуэн, избегая смотреть мне в глаза. — Кстати, у меня тоже есть правило: никаких свиданий. Я — отец-одиночка и иду в комплекте. — Он помолчал. — Кстати, моя дочь — заядлая театралка, и я серьезно упаду в ее глазах, если не схожу на какой-нибудь спектакль, будучи в Нью-Йорке.

Он кивнул в сторону Эйвитта, орущего в телефон.

— Эйвитт не любитель пьес, как ни странно...

— Да уж.

— Ну, что скажете? Хотите со мной? — Оуэн не стал подходить ближе, лишь поднял взгляд и посмотрел мне прямо в глаза. — Не будем считать это свиданием, — предложил он. — Розовая акция, так сказать. Только ужин и спектакль. Приятно познакомиться, и пока.

— Из-за наших правил? — уточнила я.

Улыбка вернулась — открытая и щедрая.

— Да, — ответил он, — из-за них.

— Чем это так пахнет?

Из воспоминаний меня выдергивает Бейли, стоящая в дверях кухни. Она надела поверх толстого свитера плечевую сумку, пряди лиловых волос застряли под ремнем.

Я улыбаюсь ей, прижимая телефон к подбородку. Никак не могу дозвониться до Оуэна — у него постоянно включается автоответчик.

— Прости, я тебя не заметила, — говорю я.

Она молчит, сжав губы. Я убираю телефон, не обращая внимания на угрюмый вид девочки. Ее не портят даже эти гримасы. Бейли красива той красотой, которая приковывает к себе все взгляды. Сходства с Оуэном почти нет — ее лиловые волосы от природы каштанового цвета, глаза темные, пронзительный взгляд буквально затягивает. Оуэн говорит, что она пошла в дедушку (отца матери), поэтому ее и назвали в честь него. Девочка по имени Бейли.

— Где папа? — спрашивает она. — Он обещал отвезти меня на тренировку.

Я напрягаюсь, вспомнив о записке в кармане. «Защити ее!»

— Наверное, уже едет. Начнем ужинать без него.

— Что так пахнет? — Бейли морщит нос, давая понять, что запах ей неприятен.

— Паста лингвини, которую ты заказывала в «Поджио».

Она смотрит на меня с таким видом, словно «Поджио» — не ее любимый ресторан по соседству, словно мы не ужинали там пару недель назад, отмечая ее шестнадцатилетие. Бейли заказала их фирменное блюдо — домашнюю пасту из нескольких видов злаков в коричневом масляном соусе. Оуэн дал ей попробовать немного «Мальбека» из своего бокала. Я-то думала, что ей полюбилась паста, а Бейли, видимо, просто понравилось пить вино с отцом.

Я накладываю на тарелку большую порцию и ставлю на кухонный островок.

— Попробуй.

Бейли смотрит на меня, размышляя, затевать ли ссору — стоит ли расстраивать отца, если я наступу ему про отказ от ужина. Решив не связываться, она прячет раздражение и устраивается на барном табурете.

— Ладно, — говорит она, — попробую.

Бейли почти пытается наладить со мной отношения, в том-то и беда. Она вовсе не плохой ребенок и не угроза моему браку. Она — хорошая девочка, попавшая в ненавистную ей ситуацию. И эта ситуация возникла из-за меня.

Причины, по которым девочка-подросток испытывает отвращение к новой жене своего отца, вполне очевидны, особенно в случае с Бейли, привыкшей не делить его ни с кем и видеть в нем и лучшего друга, и самого большого своего обожателя. Впрочем, у Бейли есть и другие причины меня не любить. Дело тут не только в том, что я неправильно определила ее возраст при нашем знакомстве. Все началось вскоре после моего переезда в Сосалито. Я должна была забрать Бейли после школы, и вдруг мне позвонил клиент, и я опоздала на пять минут. Не на десять — всего на пять. Впрочем, с тем же успехом я могла бы явиться и на час позже. Когда я подъехала к дому ее подруги, часы показывали семнадцать ноль пять, но это уже не имело значения... Бейли — девочка пунктуальная. Оуэн скажет вам, что это качество у нас семейное. И его жена, и дочь способны оценить человека всего за пять минут.

Больше и не нужно. В те пять минут, пока я разговаривала по телефону, ответив на неурочный звонок, Бейли и приняла окончательное решение насчет меня.

Бейли накручивает пасту на вилку и пристально разглядывает.

— В «Поджо» была не такая.

— Ну что ты, паста та же самая! Я убедила шеф-повара поделиться рецептом. Он даже отправил меня на фермерский рынок в Ферри-билдинг за чесночным хлебом, с которым ее подают.

— Ты съездила в Сан-Франциско за буханкой хлеба?!

Возможно, я слишком стараюсь ей угодить, не отрицаю.

Бейли наклоняется и сует вилку в рот. Я закусываю губу, предвкушая ее невольное одобрение. И тут она начинает давиться и тянет руку к стакану воды.

— Что ты туда положила? — спрашивает Бейли. — По вкусу как... угли.

— Но я же сама пробовала! Паста получилась превосходная.

Я пробую еще раз и понимаю, что Бейли права. Пока я размышляла о визите девочки-футболистки и содержании записки Оуэна, масляный соус безнадежно подгорел. Он стал горький и по вкусу теперь напоминает головешки из костра.

— В любом случае мне пора, — заявляет Бейли. — Иначе Сью уедет.

Бейли встает, и я представляю, как сзади стоит Оуэн и шепчет мне на ухо: «Подожди». Он всегда это говорит, если Бейли относится ко мне с прене-

брежением. Подожди. Он имеет в виду, что когда-нибудь она ко мне придет. Но через два с половиной года она уедет учиться в колледж. Мое время кончается — я могу не успеть с ней сблизиться.

А я об этом просто мечтаю! Я хочу, чтобы у нас были хорошие отношения, и дело не только в Оуэне. Тут все гораздо сложнее. Хотя Бейли дичится, меня к ней тянет. Отчасти тому причиной потеря матери. Пусть моя мать и не умерла, а просто ушла из моей жизни, это наложило на нас сходный отпечаток. Такое чувство, словно ты попал в незнакомый мир и пытаешься понять, как выжить в нем без самого важного для тебя человека.

— Пойду к Сью.

Сью, подруга Бейли, тоже в команде. Она живет неподалеку, там Бейли опасность точно не грозит.

Так ли это? «Защити ее!»

— Давай я тебя отвезу, — предлагаю я.

— Нет. — Бейли заправляет лиловые пряди за уши и чуть сбавляет тон. — Спасибо, не стоит. Сью все равно на тренировку...

— Если твой папа не вернется, за тобой заеду я. В общем, кто-нибудь из нас тебя встретит.

Бейли сверлит меня взглядом.

— Почему это он не вернется?

— Вернется, я уверена. Я имела в виду... Если за тобой приеду я, то дам тебе порулить.

Бейли только что получила ученические права. Теперь ей нужен целый год водить машину в сопровождении взрослого. Оуэн не любит, когда она ездит по ночам, поэтому я спешу воспользоваться случаем.

ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО ОН СКАЗАЛ МНЕ

— Конечно, — говорит Бейли. — Спасибо!

Она идет к двери, стремясь поскорее закончить разговор и вырваться на воздух Сосалито. Ради этого она скажет что угодно.

— Значит, увидимся через пару часов?

— Пока!

Входная дверь хлопает, и я остаюсь в опустевшей кухне с запиской Оуэна и подгоревшей пастой, которой с лихвой хватило бы на семью из десяти человек.

НЕ ЗАДАВАЙ ВОПРОС, НА КОТОРЫЙ НЕ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ ОТВЕТА

Восемь вечера, а Оуэн так и не позвонил.

На парковке у школы Бейли я сворачиваю влево и останавливаюсь рядом с главным входом. Убавляю громкость радио, набираю номер мужа и сразу попадаю на голосовую почту. Сердце замирает. Он уехал на работу двенадцать часов назад, юная звезда футбола побывала в нашем доме два часа назад, восемнадцать моих сообщений остались без ответа.

— Привет, — говорю я после гудка. — Не знаю, что там у тебя происходит, но ты должен срочно мне перезвонить! Я тебя люблю, конечно, но если не выступишь, тебе конец!

Нажимаю отбой и смотрю на телефон, надеясь на ответный звонок. Оуэн все объяснит. У него всегда находится достойное объяснение, за то и люблю. Он неизменно привносит во все происходящее спокойствие и здравый смысл. Мне хочется верить, что так произойдет и сейчас. Понятия не имею, как ему это удастся...

Пересаживаюсь на пассажирское сиденье, освобождая место для Бейли. Закрываю глаза и перебираю разные варианты развития событий, стараясь придумать разумное объяснение. Что могло пойти не так? Застрял на важном совещании. Потерял телефон. Решил сделать Бейли грандиозный сюрприз. Решил удивить меня неожиданным путешествием. Думает, что это смешно. Вообще не думает...

И вдруг по радио звучит название технологической компании Оуэна — «Технолавка». Показалось? Я прибавляю громкость. Может, я упомянула ее, записывая голосовое сообщение? «Ты застрял в своей «Технолавке»?» Возможно.

И тут ведущий новостей Национального общественного радио уверенно переходит к основной части репортажа.

— Сегодняшний рейд стал кульминацией четырнадцати месяцев расследования, проведенного Комиссией по ценным бумагам и ФБР в отношении методов работы компании по разработке программного обеспечения. Мы можем подтвердить, что гендиректор «Технолавки», Эйвитт Томпсон, арестован. Ему инкриминируют растрату и мошенничество. Близкие к следствию источники сообщили Национальному радио следующее: «Есть доказательства, что Томпсон планировал покинуть страну и подготовил себе резиденцию в Дубае». Остальным членам руководства компании также предъявят обвинения в ближайшее время.

«Технолавка!» Он действительно говорит про «Технолавку»...

Как такое возможно? Оуэн считает за честь работать в этой компании. Он так и выразился. Даже согласился на понижение зарплаты, когда решил туда устроиться. Почти все сотрудники, покинув более крупные компании вроде «Гугла» и «Твиттера», отказались от больших денег и получили опционы на акции вместо традиционной компенсации.

Оуэн рассказывал, что они поступили так потому, что верили в технологию, разрабатываемую «Технолавкой». Это же не энергетическая корпорация «Энрон», не стартап-афера в области здравоохранения «Теранос». Они разрабатывают программное обеспечение, которое поможет сделать более приватной интернет-жизнь — люди получают возможность контролировать доступную о них информацию, с легкостью удалять из открытого доступа непристойные изображения и веб-сайты. Компания намеревалась произвести революцию в области защиты личной информации в интернете. При чем тут мошенничество?!

Ведущий переходит к рекламному блоку, а я хватаю айфон и открываю приложение «Новости». Едва я выхожу на сайт Си-эн-эн, как на пороге школы появляется Бейли — на лице странное, не свойственное ей выражение. Она смотрит на меня с отчаянием и надеждой.

Я выключаю радио и убираю телефон. «Защити ее!»

Бейли быстро садится в машину и пристегивается. Ни приветов, ни взгляда в мою сторону.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она качает головой, лиловые волосы падают на лицо. Так и жду, что она язвительно спросит: «А по мне не видно?» Однако девочка продолжает молчать.

— Бейли?

— Не знаю, — отвечает она. — Я не понимаю, что происходит...

И тут я замечаю сумку — совсем не ту, с которой она пошла на тренировку. Это большая черная спортивная сумка, и Бейли держит ее на коленях бережно, словно ребенка.

— Что там? — спрашиваю я.

— Посмотри.

Она говорит это таким тоном, что смотреть не хочется. Впрочем, выбора у меня нет. Бейли швыряет сумку мне на колени.

— Ну же, Ханна, открой!

Я расстегиваю молнию, и из сумки сыпятся деньги — сотни сто долларовых купюр, свернутых рулетиком и перевязанных бечевкой. Сколько же их тут?

— Бейли, — шепчу я, — где ты их взяла?

— Папа оставил в моем шкафчике, — отвечает она.

Я смотрю на нее в недоумении, и сердце пускается в галоп.

— С чего ты решила, что это он?

Бейли достает из кармана записку и бросает мне.

— Догадайся с трех раз!

Я беру записку — желтый лист бумаги в линейку, как и моя. Вторая записка от Оуэна за день. Крупными буквами написано «Бейли» и дважды подчеркнута.

Бейли!

Я ничего не могу тебе объяснить, прости. Ты знаешь самое главное и обо мне, и о себе. Прошу, помни об этом!

Помоги Ханне. Делай, как она говорит. Она тебя любит. Мы оба тебя любим.

Ты — моя жизнь!

Папа

Я смотрю на записку, и буквы расплываются. Могу представить, что произошло перед встречей Оуэна с двенадцатилетней футболисткой в щитках. Оуэн мчится по школьным коридорам, подбегает к шкафчикам... Он хотел передать сумку дочери, пока есть такая возможность.

В груди печет, становится нечем дышать.

В критических ситуациях я обычно не теряю присутствия духа. Можно сказать, к этому меня подготовило мое детство. Всего два раза в жизни я чувствовала себя как сейчас: в тот день, когда поняла, что мама не вернется, и в тот день, когда умер дедушка. Словно внутренности рвутся наружу. И я понимаю, что сейчас заблую всю машину...

Так и происходит.

Мы подъезжаем к нашему парковочному месту на пристани. Всю дорогу окна в машине были открыты, и на всякий случай я держу у губ салфетку.

— Тебя еще тошнит? — спрашивает Бейли.

Я качаю головой, пытаюсь убедить и себя, и Бейли.

— Я в норме.

— У меня есть то, что тебе поможет. — Девочка вынимает из кармана косяк и протягивает мне.

— Где взяла?!

— В Калифорнии травка легальна, — заявляет Бейли.

По-вашему, это ответ на мой вопрос? Разве в шестнадцать лет можно курить травку?

Наверное, просто не хочет отвечать. И тут мне приходит в голову, что косяк ей дал Бобби.

Если не вдаваться в детали, Бобби — бойфренд Бейли. Он учится в выпускном классе и вроде бы хороший парень, даже отличник: собирается поступать в Чикагский университет, возглавляет Совет учеников школы, не красит волосы в лиловый цвет. Но Оуэн относится к нему с недоверием. Я бы списала это на гиперопеку, однако Бобби настраивает Бейли против меня. Иногда, проведя с ним какое-то время, она возвращается домой и с порога говорит мне какую-нибудь гадость. Хотя я пытаюсь не принимать это близко к сердцу, Оуэну не всегда удается сдержаться. Пару недель назад они с Бейли крупно поспорили из-за Бобби, и он заявил, что им следует пореже встречаться. Это был единственный раз, когда Бейли одарила отца презрительным взглядом, который обычно достается мне.

— Не хочешь — не бери, — говорит Бейли. — Я просто хочу помочь.

— Я в порядке, но все равно спасибо.

Она прячет косяк в карман. В общении с Бейли я стараюсь воздерживаться от широких родительских жестов, и она это явно ценит.

Наверное, лучше обсудить проблему с Оуэном — пусть сам решает, отобрать у дочери косяк или оставить... И вдруг я понимаю, что не имею ни малейшего представления, когда он вернется и вернется ли вообще.

— Знаешь что? — говорю я. — Пожалуй, я все-таки возьму.

Бейли закатывает глаза, но косяк отдает. Я сую его в бардачок и беру у нее с колен спортивную сумку.

— Я пыталась их посчитать... — говорит она и смотрит на меня. — В каждом рулетике — по десять тысяч долларов. Добралась до шестидесяти и бросила...

Я поднимаю рассыпавшиеся деньги и застегиваю молнию, чтобы ни Бейли, ни я не заглядывались на баснословную сумму внутри. Шестьсот тысяч долларов по меньшей мере!

— Линн Уильямс перепостила все твиты из «Дейли-Бист» про «Технолавку» и Эйвитта Томпсона. Говорят, что он такой же аферист, как и Мейдофф.

Я быстро пробегаюсь по тому, что знаю: записка Оуэна для меня, спортивная сумка для Бейли. В новостях по радио сообщили о мошенничестве и хищении в особо крупных размерах. Эйвитт Томпсон — преступный гений, создатель аферы, которую я все еще пытаюсь осмыслить.

Чувствую себя так, словно очнулась после кошмара, приснившегося в неурочное время — то ли на закате, то ли в полночь. Поворачиваешься к любимому, и он говорит: это всего лишь сон, никакого тигра под кроватью нет, ты не удирала от погони по